

Н. А. Кулакова, Семантическая корреляция слов финно-угорского происхождения в мокшанском и эрзянском языках (на материале глагола). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 2001.

17 мая 2001 г. на заседании диссертационного совета К 112.117.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Надежды Андреевны Кулаковой.

Работа Н. А. Кулаковой «Семантическая корреляция слов финно-угорского происхождения в мокшанском и эрзянском языках (на материале глагола)» выполнена под научным руководством доктора филологических наук профессора М. В. Мосина на кафедре мокшанского языка Мордовского государст-

венного университета. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куллин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук профессор М. А. Келин (Саранск).

В исследовании Н. А. Кулаковой не только рассматривается опыт систематизации глаголов по их семантическому облику и оттенкам их значений, но и делается попытка их дальнейшей классификации по семантическим признакам, т.е. выяснение совпадения или расхождения значений сопоставляемых глаголов, этимологически восходящих к лексической системе финно-угорской языковой общности. Вместе с тем решаются и такие узловые вопросы, как изыскания в области типологии слова в праязыке и наблюдения над динамикой в типологических параметрах лексемы в сопоставляемых языках и их диалектах на разных диахронических срезах их функционирования.

Основной целью рецензируемой работы является выявление глаголов финно-угорского происхождения в мокшанском и эрзянском языках; установление общих тенденций и особенностей их семантической эволюции в процессе исторического развития этих языков.

Из общей цели, по мнению автора, вытекают задачи частного характера: сравнительное описание особенностей эволюции семантики финно-угорской глагольной основы в мокшанском и эрзянском языках; анализ путей образования полисемии глаголов и возникновения их семантических корреляций в исследуемых языках; интерпретация особенностей сужения и расширения значений рассматриваемых глаголов.

В совокупности методов, примененных для решения поставленных задач, ведущее место принадлежит описательному, сопоставительному и сравнительно-историческому. При этом совокупность методов синхронного и диахронного анализа корректируется нетрадиционными подходами к исследованию. Объяснение семантики позднейших новообразований возможно лишь на основе т. н. цепной реконструкции. Необходимо отметить, что данная процедура не-

редко требует воспроизведения более древней формы глагола, выявления его диалектных вариантов в пределах некоторой единой языковой общности, установления модифицированных оттенков значений, возникших под действием неродственных контактирующих языков.

До настоящего времени вопрос о дифференциации функциональной семантики и способов ее описания в зависимости от структуры каждого из значений, входящих в состав полисемантического слова, и общности функционального назначения не находил освещения в мордовской лингвистике. Настоящее исследование не исчерпывает, разумеется, всей сложности рассматриваемой проблемы, однако хорошо вписывается в контекст современной российской лингвистической науки.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, приложения, списка использованной литературы. Ее общий объем составляет 233 страницы компьютерного текста.

Во введении (с. 4—13) автор указывает на актуальность работы, ее теоретическую значимость, определяет цели и задачи исследования, описывает принципы и методы, источники работы, отмечает ее научную новизну. Оно завершается краткой аннотацией, где справедливо подчеркнуто, что семантика финно-угорской лексики (на материале глагола) мокшанского и эрзянского языков до сих пор не была предметом специального исследования. Поэтому в работе дается подробная классификация этой группы лексики по принадлежности каждого слова к одному из лексико-семантических классов слов. Все это позволяет показать уровень материальной и духовной жизни мордвы, проиллюстрировать, как бережно сохраняется основной словарный фонд, изменяется семантическое наполнение слова под действием интра- и экстралингвистических факторов.

В результате этимологических изысканий слов мордовских языков автором выявлено свыше 150 глаголов финно-угорского происхождения (с. 12).

Первая глава (с. 14—33) посвящена историографии вопроса. Анализ источ-

ников начинается со словаря Н. К. Витсена, и это совершенно справедливо, поскольку в плане хронологии вряд ли можно указать на более ранние лексикографические труды по мордовским языкам. Что касается работ XVIII столетия, содержащих фрагментарные сведения по лексике финно-угорских языков, то в своих последующих изысканиях автор может ввести в научный оборот материалы из книги Ф. И. Страленберга (1676—1747) «Северная и восточная часть Европы и Азии». В полном объеме систематизируются и комментируются труды современных исследователей лексики мордовских языков. Здесь же дается краткий, но довольно емкий обзор исследований по общим вопросам семантики вообще и семантике глагола, рассматриваются вопросы о смысловых объемах слова в синхронно-описательном и сравнительно-историческом ракурсах, раскрываются особенности первоначального значения слова и устанавливаются факторы и способы семантических изменений и т. д.

Финно-угорские глаголы с исходным (первичным) значением в мокшанском и эрзянском языках рассматриваются во второй главе (с. 34—47). Автором выявлено около 25 лексических пар глаголов, которые законсервировались в своем первоначальном значении в обоих близкородственных языках. Нетрудно заметить, что среди них бытуют в основном лексемы, обозначающие элементарные явления жизни, действия, восприятия: мокш. *вачемс*, эрз. *вачомс* 'проголодаться'; мокш. *нумс*, эрз. *нумс* 'жать, сжать'; мокш., эрз. *козомс* 'кашлять' и т. п.

Объективной предпосылкой постулирования лексических параллелей в родственных языках служит наличие в них совокупности генетически тождественных элементов (корневых морфем, целых лексем), восходящих к финно-волжской языковой общности. Однако автор упускает из виду марийские слова, в семантическом отношении либо совпадающие с мордовскими, либо сближающиеся с ними. Расхождения, имеющиеся в их звуковом оформлении, обусловлены фонетическими особенностями волжско-финских языков. Ср., например, мордов-

ские слова и отсутствующие в работе марийские соответствия: мокш., эрз. *виздемс* 'стыдиться, стесняться, смущаться' (с. 41) — мар. *вожылаш* с аналогичным значением; мокш. *крнамс*, эрз. *корномс* 'храпеть (во сне)' (с. 42) — мар. *коргыкташ*, *коргаш* с идентичной семантикой; мокш., эрз. *начкомс* 'намокнуть, промокнуть' (с. 43) — мар. *ночко* 'мокрый, сырой; мокрота, сырость'; мокш. *писькиземс*, эрз. *пськиземс* 'поносить, болеть поносом' (с. 44) — мар. *пушкедаш* с таким же значением; мокш. *уксондомс*, эрз. *уксномс* 'рвать, блевать' (с. 45) — мар. *укинчааш* то же; мокш., эрз. *улемс* 'быть, есть, иметь' (с. 45) — мар. *улаш* употребляется в качестве связки в именном составном сказуемом — 'быть, являться' и некоторые другие.

Третья глава, в которой речь идет о расширении семантического объема глагола в мокшанском языке (с. 48—69), состоит из трех разделов. В ней интерпретируется и термин «расширение значения слова». Несмотря на наличие отдельных образцовых работ, в целом теоретическое обобщение причин расширения семантической плоскости лексем остается в языкознании неполным. Расширение семантического объема слов и включение их в новый круг семантической ассоциации обуславливаются, как правило, внеязыковыми импульсами, которые подхватываются внутренней силой, управляющей механизмом регулирования лексического равновесия. Действия указанных факторов понуждают употребление лексем сначала в переносном смысле, затем вследствие активности их функционирования непрямые значения переходят в разряд прямых, заполнив пустые клетки в семантической плоскости каждого из этих слов. Автором рассмотрено около 35 лексических пар, которые расширили свой семантический объем только в мокшанском языке, тогда как в эрзянском они законсервировались в двух значениях.

В четвертой главе содержится анализ расширения семантического объема глагола в эрзянском языке (с. 70—86). Автор рассматривает и причины, вызывающие сужение значения слова. Прослеживая семантические блоки глаголов

эрзянского языка, Н. А. Кулакова приходит к выводу, что под сужением значения слова понимается уменьшение семантического объема слова в ходе исторического развития (с. 72). В данной главе автором рассмотрено около 40 лексических пар, у которых произошло сужение значения глагола в мокшанском языке, тогда как в эрзянском наблюдается расширение значения. Глава богата ценными сведениями и информацией, поскольку значения многих глаголов в полном объеме объясняются впервые.

Заключительным аккордом теоретической части является пятая глава, посвященная полисемантическим глаголам в мокшанском и эрзянском языках (с. 87—165). Автор проделала кропотливую и скрупулезную работу по выборке полисемантических слов из мокшанско-русского и эрзянско-русского словарей. Н. А. Кулакова совершенно обоснованно подчеркивает, что одно из значений многозначного слова может породить другое при условии, если они имеют какой-то общий признак.

Теоретическая часть завершается заключением (с. 166—172), содержащим

умело сформулированные выводы по пяти главам. Удачно составлены и четыре таблицы.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью сказать, что Н. А. Кулакова решила многие ключевые вопросы мордовской лексикологии, до сих пор оставшиеся нерешенными. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Теоретическая и практическая значимость их несомненна, они могут быть использованы при исследовании семантической корреляции слов финно-угорского происхождения других родственных языков и найдут применение в преподавании курсов лексикологии, сопоставительной типологии, исторической грамматики, финно-угроведения в вузах республик Урало-Поволжского историко-географического региона. Моно- и полисемантические глаголы, рассмотренные Н. А. Кулаковой, будут включены в толковые словари (эрзянского и мокшанского) языков, к составлению которых, видимо, в скором будущем приступят исследователи мордовских языков.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)